

М. М. Владимиров

**Русский среди американцев.
Мои личные впечатления как
токаря, чернорабочего,
плотника и путешественника**

1872-1876

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М. М. Владимиров
М11 Русский среди американцев. Мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника: 1872-1876 / М. М. Владимиров – М.: Книга по Требованию, 2015. – 380 с.

ISBN 978-5-518-06288-7

Нью-Йорк. Флорида. Новый Орлеан. Сан-Луис. Чикаго. Радом. Переход от Сан-Франциско. Калифорния. Бостон. Вашингтон. Балтимор и Филадельфия со всемирной выставкой

ISBN 978-5-518-06288-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Востонъ.

ГЛАВА X.

СТРАН.

Еще разъ на «Дальнемъ Западѣ». — Встрѣча эмигрантовъ съ Запада и Востока. — Омага. — Айова и Иллинойсъ. — Детройтъ. — Ниагарскіе водопады. — Олбэни столица штата Нью-Йоркъ. — Встрѣча съ русскими въ Бостонѣ. — Законы Массачузетса. — Линнъ. — Чарлстоунъ. — Бостонскія улицы. — Капитолій. — Публичная библиотека. — Кэмбриджъ. — Школы. — Политическій котель. — Залъ фанейла. — «Колумбъ Американской Свободы». — Вѣдствія рабочихъ. 186

Вашингтонъ.

ГЛАВА XI.

Въ дорогѣ. — Старые товарищи въ Нью-Йоркѣ. — Капитолій. — Смитсоновскій институтъ. — Департаментъ Земледѣлія. — Вашингтонскій монументъ. — Генри Вильсонъ. — Саркофагъ Вашингтона. — «Вѣрный домъ». — Министерства. — Глухонѣмые. — Солдатскія сироты и домъ Луизи. — Коркорановская галерея. — Школы. — Конгрессъ. — Посланіе Гранта. — Встрѣча сего года. — Приемъ народа президентомъ Соединенныхъ Штатовъ 210

Валтиморъ.

ГЛАВА XII.

Городская дума. — Улицы. — Фортъ Макъ-Генри. — Паркъ на Друндскомъ холмѣ. — Боевой памятникъ. — Монументъ Вашингтону. — Институтъ Пибоди. — Посланіе городского головы. — Публичныя школы. — Заведеніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. — Протестъ рабочихъ 249

Филадельфія.

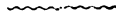
ГЛАВА XIII.

Въ дорогѣ. — Залъ Независимости въ Филадельфій. — Работа. — «Carpenters Hall». — Домикъ Пенна. — Вязъ мира. — Библиотеки. — Газета «Public Ledger». — Институтъ Франклина. — Монетный дворъ. — Масонскій залъ. — Домъ для пьяницъ. — Заведеніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. — Тюрьма. — Коледжъ Жирара. — Концертъ слѣпыхъ. — Благотворительныя заведенія для дѣтей. — Женщины — голова и душа дѣла. — Школы. 265

Русскій отдѣлъ на столѣтней всемірной Выставѣ.

ГЛАВА XIV.

	СТРАН.
Новый годъ.—Фэйрмаунтъ паркъ.—Зоологическій садъ.—Исторія возникновения Выставки.—Открытие.—Россия на Выставѣ.—Столѣтнее 4-е іюля.—Прощай Америка.	309

Первые листы своего путешествія я намѣренъ посвятить вамъ, милостивыя государыни и господа. Желаніе нарисовать передъ вами возникновеніе мысли о поѣздѣ по Америкѣ безъ денегъ, и то, какимъ образомъ это намѣреніе осуществилось, вынуждаетъ меня сказать здѣсь нѣсколько словъ, хотя-бы для этого пришлось развернуть страницу раннихъ дней моей жизни. Если вамъ не нравится таковой приступъ къ дѣлу, то начинайте прямо съ главы о Нью-Йоркѣ: вѣдь васъ никто не смѣетъ обязать прочитывать все напечатанное въ книгѣ.

Лѣтъ десять тому назадъ, насъ, совершенныхъ юношей-товарищей интересовали повѣсти и рассказы изъ американской жизни. Увлечательны были описанія горъ, лѣсовъ, водъ, полей, индійцевъ, буйволовъ—и молодая фантазія рисовала волшебныя картины. Плавая по Волгѣ, мы сиделись представить Миссисипи и Мараньонъ брода по лѣсамъ и степямъ Саратовской губ., намъ думалось: а въ Америкѣ все это величественнѣе и лучше. Рядомъ такихъ мыслей у насъ какъ-то само-собою возникло желаніе составить компанію и начать какое-нибудь дѣло, чтобы жить совершенно независимо. Такой оборотъ мечтаній чрезвычайно обрадовалъ всѣхъ, но когда кто-то упомянулъ объ Америкѣ, то всѣ испугались: какъ юноши мы фантазировали свободно, а сдѣлать положительный шагъ на практической почвѣ—не тверды были наши ноги. Помню я, какъ, лежа на травѣ у казенныхъ соляныхъ амбаровъ (въ Саратовѣ), духъ занимался у каждаго отъ грандіозныхъ, по нашему представленію, намѣреній. Но первая робость прошла и, вмѣсто Америки, мы порѣшили отправиться на Кавказъ, чтобы основать тамъ земледѣльческую колонію. У насъ не было ни знаній, ни средствъ—порѣшили

достать и то, и другое. У кого было двѣ пары сапогъ—одну продали, у кого было два сюртука—одинъ обратили въ деньги; у кого были деньги—тотъ давалъ ихъ и, вручивъ избранному товарищу, снарядили его въ Петербургъ — учиться. Сами мы разбрелись въ разные стороны просвѣщать юношество и копить деньги. Кромѣ учительства, я занимался торговлей, самъ лиль свѣчи и т. д., а другой изъ товарищей — хлѣбопашествомъ, но получилъ громадный минусъ отъ своего предпріятія. Года черезъ два я возвратился въ Саратовъ, имѣя небольшую житейскую практику за плечами и до двухъ сотъ рублей въ карманѣ. Посланный въ Петербургъ, отъ болѣзни едва не умеръ на дорогѣ и полу-живой вернулся назадъ. У другихъ дѣла не клеились, да вѣроятно и поостыли желанія — и наше коллективное намѣреніе разлетѣлось прахомъ.

Продолжая читать американскіе рассказы и повѣсти, меня вдругъ поразила мысль, что тамъ была все кровь, кровь и кровь. Я ужаснулся—и съ тѣхъ поръ не бралъ въ руки ни одной книги съ подобнымъ содержаніемъ; но желаніе видѣть Америку осталось.

Явились новыя переводныя книги. Теперь Соединенные Штаты интересовали уже съ иной стороны, о которой до толѣ не было и рѣчи. Снова заговорили объ Америкѣ, но изъ старыхъ товарищей здѣсь былъ только я. Одинъ взялся за изученіе французскаго языка (англійскій, какъ совсѣмъ невѣстный, не привлекалъ нашихъ симпатій), а другіе обѣщались заняться ремеслами. Имѣя мѣста, мы старались сократить свои расходы, чтобы сберечь извѣтную сумму на проѣздъ. Разговаривая на эту тѣму, насъ сильно интересовали исторіи мореплавателей, но и здѣсь прежде всего нравилась поэтическая сторона дѣла; мы были еще очень, очень молоды.

Разъ какъ-то снизу я въ своей квартирѣ, во время сильной грозы и вижу, что на всѣхъ парусахъ летитъ ко мнѣ «отставной медицинскій студентъ» и, едва отворивъ дверь, зоветъ:

— Идемъ! сказалъ онъ, такимъ тономъ, отъ котораго невольно чувствуешь бодрость.

— Куда?

— На Волгу. Развѣ вы не видите кабая буря?

Черезъ минуту единственныхъ два путника мѣсили грязь по улицѣ. Лилъ нестерпимо-проливной дождь, молнія непрерывно полосовала небосклонъ по всѣмъ направленіямъ, оглушающій громъ грохоталъ неумолкаемо. Стоимъ мы у «вокзала» на открытой плат-

формѣ, далеко высувающейся впередъ. Неистовствуетъ сѣро-сѣдая Волга; сбивая къ ногъ свиваетъ вѣтеръ.

— А на морѣ, сказалъ товарищъ, вѣдь еще лучше?

Мы невольно измѣрили глазами пѣняющіяся волны и взглянули на домъ.

— Еще-бы! отвѣчалъ я.

Желая испытать, насколько, при случаѣ, можетъ быть полезно ружье, я отправился въ лѣсъ и жилъ тамъ три дня, питаюсь сороками и всѣмъ, что придется застрѣлить. (Благо на Руси праздни-ковъ такъ много, что у меня, иногда, выпадало на недѣлѣ четыре свободныхъ дня, включая и воскресенье). Результатъ вышелъ двой-ной: первое, у меня не было никакого желанія повторить этотъ опытъ еще разъ, а тѣмъ болѣе-вести подобнаго рода жизнь; второе я увидѣлъ, что если придется, то могу прожить и такъ.

Быстро шло время въ мелкихъ подготовленіяхъ, какъ получаю я письмо отъ одного изъ товарищей, гдѣ онъ, указывая на страницу сочиненій Бѣрне, рекомендуетъ мнѣ прочитать ее. Я развернулъ книгу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ названный писатель говоритъ о нѣмцахъ зачѣмъ они бѣгутъ въ Америку искать своего счастья, а не подумаютъ о томъ, чтобы устроить эту Америку у себя дома. При личномъ свиданіи вышелъ оживленный разговоръ, отъ резуль-тата котораго наше коллективное намѣреніе разлетѣлось прахомъ. Однимъ, какъ оказалось, нельзя было выѣхать, а сторонникъ Бѣрне подвизается теперь на попрощѣ аллилуйя.

Цѣлые годы прошли въ такихъ порывистыхъ стремленіяхъ и вотъ наступили святки 1871—2 года. Въ одномъ изъ домовъ первоста-тейной улицы большая компанія знакомыхъ поетъ, пляшетъ, смѣет-ся, шутить,—словомъ, веселится какъ обыкновенно веселятся въ это время. Припоминая отсутствующихъ, коснулись и тѣхъ личностей, которые уже находились въ Соединенныхъ Штатахъ. Очень есте-ственно, каждый интересовался знать какъ онѣ тамъ живутъ, что дѣлаютъ и т. д. Скоро Америка сдѣлалась общимъ предметомъ раз-говоровъ; слышались желанія видѣть эту «чуждую страну», поды-шать вольнымъ воздухомъ и проч., но всѣхъ связывалъ недоста-токъ средствъ.

— Съ деньгами хорошо путешествовать, а безъ денегъ, брать плохо! вернулъ кто-то. И—удивительно!—съ этимъ философомъ всѣ согласились. Бѣсѣда приняла иной оборотъ: на сколько путешествіе

по Соединеннымъ Штатамъ полезно для Россіи вообще и для отдѣльнаго лица въ частности? Толковали достаточно долго на эту тему и въ принципѣ всѣ согласны были признать пользу за поѣздой. Теперь само собою выплылъ другой вопросъ: какимъ образомъ привести въ исполненіе принятое намѣреніе? Здѣсь мнѣнія разошлись несравненно больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Одни, подобно философу, не видѣли иной возможности, кромѣ готовыхъ денегъ; другіе предполагали скопить для этого достаточную сумму, и — конечно, дѣло укладывалось въ одинъ изъ дальнѣйшихъ ящикомъ; по мнѣнію третьихъ, можно было отправляться хоть сейчасъ, но при одномъ существенномъ условіи: не бояться работы и рѣшительно во всемъ полагаться только на себя. Указавъ на важность и трудность названнаго условія, естественно возникъ и третій вопросъ: кто рѣшится привести такой планъ въ исполненіе? Перебирая другъ друга, у всѣхъ находились уважительныя, или повидимому уважительныя причины оставаться дома. Нѣсколько человекъ разомъ указало на меня.

— Вотъ онъ можетъ!

— Да, ему можно — подтверждали другіе.

Нѣоторымъ изъ этихъ господъ были извѣстны мои прежніе опыты, а двое или трое даже раздѣляли ихъ когда-то. Обнимая въ головѣ весь трудъ предпріятія и не будучи въ состояніи держаться на ногахъ отъ сильнаго волненія, я опустился на стулъ. Вѣдь серьезнаго исхода отъ этого разговора едва-ли кто ожидалъ: говорили просто потому, что предметъ бесѣды оказался интереснымъ для всѣхъ.

— Я поѣду! вырвалось у меня не то робко, не то твердо.

Какъ мнѣ показалось, никто не обратилъ на эти слова никакого вниманія, да и едва-ли ихъ разслышали за общимъ разговоромъ.

— Ёду! произнесъ я въ-слухъ съ твердымъ жестомъ правой руки, и когда всталъ на другой день утромъ то тотчасъ-же послалъ деньги въ Питеръ за англійскими учебниками. Я ввѣсилъ важность результата отъ путешествія — и распылилась моя фантазія что твой океанъ. Но со вздохомъ подумалъ: вѣдь это результатъ, а каковъ путь къ этому результату? — Оставалось съ полгода до отъѣзда, а въ языгѣ, безъ помощи учителя, много успѣть нельзя; ремесла никакого не знаю, не знаю и страны, куда ёду. Какъ-то смутно представлялось мнѣ, что когда человекъ рѣшительно хочетъ что-нибудь сдѣлать,

то нѣтъ тѣхъ препятствій, которыя преградили-бы ему дорогу; но доставеть-ли силъ устоять на такомъ рѣшеніи? Во всякомъ случаѣ надо постоянно имѣть его въ виду. Занятія языкомъ шли своей чередой, а потомъ наплась квартира, гдѣ я сталъ учиться токарному ремеслу и, кромѣ того, занимался еще переплетнымъ.

Обставивъ дѣло съ этой стороны, я принялся за разработку другой, именно: въ чемъ будетъ и долженъ заключаться основной капиталъ, не деньги, а именно капиталъ для путешествія? — Въ работѣ и въ полнѣйшемъ довѣрїи къ собственнымъ силамъ. Есть-ли у меня энергія и настойчивость нужны, для этого? — Результатъ получился неудовлетворительный и, значить, необходимо было приняться за добываніе того и другаго. Становясь на эту точку зрѣнія, всѣ препятствія показались мнѣ прекраснымъ матеріаломъ для упражненій, хотя, откровенно говоря, я боялся обилія такого матеріала. Всякая мелочь казалась мнѣ теперь важною какъ элементъ, восполняющій недостатокъ. Выслушавъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчаній («покажите и намъ дорожку» и проч.) на счетъ исполнимости предпринимаемаго, я, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, совсѣмъ пересталъ говорить объ этомъ предметѣ съ другими.

Теперь выплывалъ дальнѣйшій вопросъ: сколько времени потребуется на путешествіе и какимъ путемъ я буду выполнять его? Рассчитывая приблизительно, я ассигновалъ пять гдѣтъ на это дѣло и рѣшилъ его вести такимъ образомъ: поработавъ въ одномъ городѣ и скопивъ деньги, переѣзжать въ другой; здѣсь опять работать и копить, чтобы переѣхать въ третій и т. д. вплоть до тѣхъ поръ, пока все путешествіе не придетъ къ концу. Здѣсь, какъ видите, не было ничего новаго, но для меня оно представлялось совершенно свѣзельнымъ: — далѣе 200 верстъ отъ Саратова я нигдѣ не бывалъ, да притомъ, я понималъ разницу между случайными переѣздами изъ города въ городъ и — системой; короче говоря, когда было рѣшено видѣть Санъ-Франциско, то хоть пѣшкомъ, а долженъ былъ туда отправляться — и я пошелъ.

Въ кругу друзей мои намѣренія встрѣчали самыя жаркія одобренія, самыя пламенныя надежды и каже удивились всѣ скептики и не знающіе, когда не оставалась и не могло остаться рѣшительно никакого сомнѣнія въ томъ, что я дѣйствительно ѣду. Въ родномъ городѣ почти никто не вѣрилъ въ мой отъѣздъ, но это понятно; поѣздки въ Нижній, Мосеву или Питеръ снаряжались съ молебнами

напутствіями и т. д., а тутъ — въ Америку! Всякая фантазія безсилна была нарисовать такую, по ихъ мнѣнію, отвагу. Даже отецъ предостерегалъ: «смотри, сказалъ онъ, не пеняй на другихъ, — вѣдь самъ задумалъ».

На второй день плаванія отъ Гавра, когда берега Европы скрылись изъ виду, я взялъ перо и написалъ первую страницу «Дневника», гдѣ, говоря о путешествіи, между прочимъ сказалъ, что его «задумалъ я; исполняю я; и всѣ послѣдствія рѣшенія принимаю на себя». — Нью-Йоркская жизнь поставила меня въ прямые отношенія съ суровой и неизвѣстной страной; здѣсь-же въ первый разъ въ жизни я взглянулъ въ лицо голода. Надо было имѣть смѣлость смотрѣть въ глаза напастямъ и рѣшимость сразиться съ ними, а мои силы оказывались слабыми. Все-же видѣлъ я, что при болѣе опытности и главное, знаніи языка, могу кое въ чемъ устоять. Тутъ у меня составился подробный планъ путешествія, окончательное рѣшеніе котораго я отложилъ до Ст. Луи, потому что возникали иные соображенія. Первоначально этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы посѣтить Нью-Йоркъ, Флориду, Нью-Орлеанъ, Ст. Луи, Чикаго, Детройтъ, Бостонъ, Филадельфію, Балтиморъ, Вашингтонъ, Цинцинати и Санъ-Франциско; отсюда, перерѣзавъ Великій и Индѣйскій океаны, Суэскій каналъ, Средиземное море, Дарданеллы, Черное море, выйти на берегъ въ Одессѣ. Такимъ образомъ выходило кругосвѣтное путешествіе; изъ С.-Франциско до Одессы я намѣревался отправиться въ качествѣ матроса.

Переѣзжая во Флориду, кромѣ желанія видѣть страну, у меня были и другія соображенія: тамъ я *долженъ* былъ говорить по-англійски, потому что пресѣкалась возможность объясняться по-русски и, кромѣ того, не ожидая встрѣтить тамъ ничего, особенно интереснаго, невнаніе языка могло принести мнѣ наименьшій ущербъ, а окружающая среда постоянно вынуждала практиковаться по-англійски. Этотъ способъ былъ въ моихъ глазахъ все же лучшимъ, чѣмъ въ третій разъ проходить грамматики, не принесшія мнѣ почти никакой пользы. Оставаться въ Нью-Йоркѣ и сводить знакомство съ американцами (для практикъ въ языкѣ) было просто противно послѣ всего испытаннаго тамъ. А тутъ «за далью непогоды» рисуется «блаженная страна», гдѣ «не темнѣютъ неба своды», гдѣ «не проходитъ тишина». Испытанія этого «прекраснаго далека» были горьки, очень горьки, за то положительно выяснился фактъ, что «не страшна мнѣ

Америка, — мнѣ, безъ языка и знакомыхъ — одному среди этой многолюдной степи».

Явился я въ ст. Луи. Первоначальный планъ путешествія измѣнился такимъ образомъ, что объѣзду второй половины земнаго шара я предпочелъ всемирную Филадельфійскую выставку въ честь столѣтней независимости Соединенныхъ Штатовъ и выходило, что мнѣ оставалось посѣтить Чикаго, С. Франциско, Детройтъ, Бостонъ. Вашингтонъ, Балтиморъ и Филадельфію, чтобы, посмотрѣвъ здѣсь выставку, тронуться къ роднымъ берегамъ. Письма съ родины, удачныя дѣла поддерживали меня въ настроеніи, которое обрисуетса слѣдующими словами изъ «Дневника», отъ 5-го сентября 1873 г. «Ровно годъ какъ я живу въ Америкѣ. Съ широкою увѣренностью пустился я въ путешествие и вотъ по прошествіи года во мнѣ утвердилась или, лучше сказать, подтвердилась фактами моя надежда на себя. Если прежде я говорилъ, что проѣду Америку изъ края въ край, то теперь въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Самоувѣренность доходила до того, что нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что могло бы противостать силамъ человѣка. Ниспошлите на него всѣ ужасы неба и земли — все сломить его могущество, все покорить его власть, все сокрушить его воля. Вызывая на борьбу всѣ напасти вселенной, человѣкъ можетъ сдѣлать это только для того, чтобы доказать имъ все ихъ ничтожество. Въ эти минуты экзальтаціи величественно рисовалась мнѣ грандіозная фигура лорда Непира, когда онъ задавалъ себѣ вопросъ: «Что такое страхъ? — Я его не знаю». Ступенькой ниже стоялъ Гарibaldi, готовый спросить себя на эту тѣму. Припоминались историческіе факты, гдѣ людская воля перевертывала весь миръ — и еще болѣе убѣждался я, что силы человѣка непреодолимы.. Жаль только, что у весьма не многихъ онѣ развиты.

Наступила пора отпращиванія въ Чикаго. Я положительно зналъ, что вѣроятность найти тамъ работу была на $\frac{3}{4}$ меньше, чѣмъ въ Ст. Луи, но переѣздъ лежалъ въ программѣ моего путешествія — и я поѣхалъ. Товарищи-рабочіе, не знавшіе моего дѣйствительнаго побужденія къ отъѣзду, окончательно отказались понять мой поступокъ. Я былъ увѣренъ, что не пропаду — и этого было достаточно. Обрушились бѣды, на успѣшную борьбу съ которыми оказались слабоватыми мои силы. Письма съ родины, этотъ истинный животворный источникъ, не приходили; послѣ оказалось, что и мои не дости-

тали своего назначенія; гдѣ-то, какимъ-то страннымъ образомъ онѣ пропадали, а иногда приносились распечатанными... Одинъ подобный случай былъ извѣстенъ мнѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ: мужъ распечаталъ письмо жены безъ ея согласія; жена подала протестъ — и муженѣкъ былъ приговоренъ къ *десятилѣтнему тюремному заключенію*. Въ другихъ странахъ это проще дѣлается: прочитавъ письмо, вамъ отдають его еще съ предупрежденіемъ, что тамъ «ничего нѣтъ интереснаго. Давящія обстоятельства отразились и въ «Дневникѣ» настроеніями, когда я чувствовалъ «будто весь міръ стоитъ ко мнѣ спиною и всѣ мои усилія обернуть хоть кого нибудь къ себѣ лицомъ — напрасны. Страшныя минуты, боязно становится». «Пусть что будетъ, — я готовъ ко всему». «Работы нѣтъ, тоска несносная. Но вотъ протянулась дружелюбная рука — и я съ радостью ухватился за мысль, что сдѣлавъ отступленіе отъ плана, могу ускорить исполненіе его — и поѣхалъ въ Радомъ. Здѣсь совершенно неожиданно я получилъ изъ Ставрополя-Кавказскаго письмо, гдѣ предлагали мнѣ деньги... Самъ я, мѣсяца за 2—3 передъ тѣмъ (еще изъ Чикаго) писалъ въ Россію о томъ же, но по счастью, не получилъ рѣшительно никакого отвѣта отъ тѣхъ лицъ. Теперь, отказываясь отъ предложенія, у меня возникло новое желаніе: не брать на свое путешествіе ни единой копѣйки изъ роднаго края; это такъ и сбылось.

Свободнѣе дышалось, когда ощутилъ я въ своемъ карманѣ сравнительно большой заработокъ, но и его не было достаточно для переѣзда въ С. Франциско. Такъ неужели же пятиться назадъ? — Иду туда пѣшкомъ! выдилось въ рѣшительной формѣ давно возникшее намѣреніе. Всѣ силы моего ума и души напряглись только для того, чтобы обезпечить успѣхъ. Не оставляя ничего назади, все мое внутреннее я сосредоточилось на берегахъ Пасифика — и туда же неслась моя тѣлесная оболочка. Вамъ извѣстно, что задуманное было исполнено.

Вотъ и Сан-Франциско. Показался краешекъ солнца надъ моими надеждами — и мнѣ уже не стоило большаго труда вознести его на такую высоту, чтобы оно засіяло полнымъ блескомъ. Здѣсь усиленнѣе прежняго пошли приглашенія возвратиться на родину; совсѣмъ неизвѣстное мнѣ лицо предлагало деньги на проѣздъ... Даже самыя жаркіе защитники путешествія колебались. Всѣ невзгоды пронеслись, дальнѣйшій путь казался мнѣ асфальтовой дорожкой бульвара. Когда